

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В РЕЧИ УКРАИНЦЕВ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

© 2020 г. Г.П. Пилипенко

Канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

glebpilipenko@mail.ru

В статье впервые рассматриваются дискурсивные практики украинцев, проживающих в Боснии и Герцеговине (в Республике Сербской): метаязыковое комментирование, дублирование, обращение за помощью к собеседникам, переключение кода, цитирование, языковые анекдоты. Рассмотренные практики часто выступают в комбинации друг с другом. В речи украинцев наблюдается взаимодействие родного для них переселенческого говора и окружающего языка южнославянских соседей, что обуславливает уникальность и структуру дискурсивных практик. Материал для анализа был собран в полевых условиях во время экспедиций 2014 и 2016–2018 гг.

The paper discusses for the first time the discursive practices of Ukrainians living in Bosnia and Herzegovina (Republika Srpska): metalinguistic comments, reiteration, seeking help from interlocutors, code switching, quoting, language jokes. The practices under consideration often are implemented in combination with each other. In the speech of Ukrainians there is an interaction between their native dialect and the surrounding language of South Slavic neighbors, which causes the uniqueness and the structure of their discursive practices. The material for the analysis was collected during the field researches in 2014 and in 2016–2018.

Ключевые слова: билингвизм, переключение кодов, метаязыковые комментарии, цитирование, украинский язык, сербский язык, Босния и Герцеговина, нарратив, идентичность.

Keywords: bilingualism, code switching, metalinguistic comments, quoting, Ukrainian language, Serbian language, Bosnia and Herzegovina, narrative, identity.

DOI: 10.31857/S0869544X0009517-1

В Боснии и Герцеговине уже более ста лет проживают украинцы, переселенцы из Галиции. Заселение северной части Боснии колонистами из разных земель австрийской империи начало проводиться после массового исхода мусульманского населения, последовавшего за аннексией этой области Австро-Венгрией в 1878 г. В районы около Баня-Луки, Приедора, Прнявора, Дервенты, Градишки, Биелины прибывают переселенцы славяне (украинцы,

поляки, чехи, словаки) и неславяне (итальянцы, немцы, венгры) (подробнее см., например [1. С. 17–22; 2. С. 90–91; 3]). При этом изначальный многонациональный и многоконфессиональный характер данной территории сохраняется: здесь проживают сербы, хорваты и бошняки (православного, католического и мусульманского вероисповедания соответственно). И хотя на протяжении XX в. этнический состав этих мест постоянно менялся, еще и сегодня в некоторых общинах значителен удельный вес представителей национальных меньшинств. Так, по разным оценкам украинцев насчитывается около 3000¹ и они являются признанным национальным меньшинством. Речь идет в основном о выходцах из Галиции, которых австрийское правительство поощряло переселяться на новые земли. Южные славяне называют их *Galicijani*.

Язык потомков этих переселенцев очень своеобразен: это поднестрировский диалект юго-западной группы наречий украинского языка (по свидетельству Т.Я. Токар среди переселенцев были также носители южноволынского диалекта [4. С. 731]), функционирующий более ста лет в инославянском окружении. В конфессиональном отношении большинство украинцев – греко-католики, есть небольшая группа православных. В результате сложившейся языковой ситуации бытующий в Боснии и Герцеговине украинский говор потомков переселенцев подвергается сильному интерферентному воздействию соседних южнославянских идиомов, что представляет особый интерес для контактной лингвистики и диалектологических исследований. Некоторые аспекты современной языковой и этнокультурной ситуации у украинцев в Боснии были рассмотрены в работах [5–7]. Исследованием языка данной миноритарной группы занимались также Т.Я. Токар, Д. Василиевич [8; 9]. Однако контактные особенности в речевой деятельности информантов до сих пор не были рассмотрены. Полевое обследование изучаемой территории началось с 2016 г., с тех пор экспедиции проводились ежегодно (в 2017 и в 2018 г.). Были записаны нарративы от информантов, проживающих в Баня-Луке, Яблане, Прняворе, Трнополе, Хрвачанах, Поточанах, Просьеке, Деветине, Лишне: всего более 50 часов аудио и видеозаписей². В нашем распоряжении имеется также материал экспедиции 2014 г., проводившейся сотрудниками Института балканистики Сербской академии наук и искусств, из Лишни и Прнявора³. Среди записей преобладают беседы с украинцами старшего и среднего поколения, являющимися наиболее компетентными на сегодняшний день носителями украинского языка.

В настоящей статье будут рассмотрены наиболее распространенные дискурсивные практики, зафиксированные в речи информантов. Эти особенности обусловлены сложившейся языковой ситуацией: все украинцы двуязычны – владеют родным украинским говором и литературным сербским/хорватским языком. Кроме того, представители интеллигенции, священники владеют и литературным украинским языком. Зачастую информанты испытывают трудности при выборе языка и в процессе порождения высказываний, когда разговор заходит на определенные темы, не связанные с привычным для собеседников объемом функционирования украинского языка. Многим незнакомы аналогии из украинского литературного языка, поскольку не все имели возможность

¹ Данные с сайта Союза национальных меньшинств Республики Сербской <http://www.snm.rs.ba/208/snm/Ukrajinci/u/Bosni/i/Hercegovini,%2028.%2011.%202016.> (10.07.2019).

² Экспедиции 2016 и 2017 гг. проводились по проекту «Изучение и защита нематериального культурного наследия Республики Сербской» (рук. д-р Е. Пандуревич, университет г. Баня-Лука).

³ За предоставленные материалы автор выражает благодарность д-ру Биляне Сикимич, Институт балканистики Сербской академии наук и искусств, г. Белград.

посещать школы, где этот язык преподавался (еще и сегодня в некоторых школах проводятся занятия для детей (см. [10])). Языку украинцев в Боснии и Герцеговине посвящено не так много исследований, однако контактологической проблематике до сих пор не уделялось должного внимания. По нашему мнению, функционирование украинского языка в этой стране является уникальной ситуацией развития островного восточнославянского идиома в южнославянской среде⁴, а сама община находится в процессе смены языкового кода, особенно представители молодого поколения.

Исследование дискурсивных практик с особым вниманием на метаязыковых комментариях в многоязычных общинах актуализируется в последнее время. Здесь стоит упомянуть работы о сербах в Венгрии [12], сербах в Словении [13], албанцах в Черногории [14], русских в Эстонии [15; 16], русских староверов в Польше [17; 18], немцев в Сибири [19], венгров в Закарпатье [20], венгров в Банате [21] и т.д. Анализируются дискурсивные практики и метаязыковые высказывания и в наших работах на примере общины старообрядцев в Латвии [22; 23], венгров в Воеводине [24], а также в среде славянских мигрантов в странах Южной Америки [25]. На явление метапрагматической осведомленности, что идентично металингвистическому измерению языка, обращает внимание Дж. Фершуерен: «использование языка, как и другие формы социального поведения, интерпретируются акторами-участниками» [26. С. 99]. Он указывает, что металингвистические феномены делятся на эксплицитные и имплицитные [26. С. 90], и говорит об «индикаторах метапрагматической осведомленности» [26. С. 95]. Проблема выбора языка, перехода с одного языка на другой, конкуренция языковых вариантов, обусловленная интерференционными процессами, вербальные и невербальные сигналы, свидетельствующие о затруднении при порождении высказывания (хезитации, оговорки, фальстарты) и/либо сообщающие информацию об идентичности говорящего и всего изучаемого сообщества, — все это находится в центре внимания при анализе устной речи информантов и является проявлением метапрагматической особенности говорящих. По нашим наблюдениям, очень редко можно встретить собеседника, проживающего в многоязычной среде, и в речи которого перечисленные элементы не присутствуют либо присутствуют в незначительном объеме. В применении к монолингвальной ситуации считается, что в обычной коммуникации модусные смыслы не выражаются и их реализация является реакцией на коммуникативное напряжение, в этом случае, например, метаязыковые комментарии могут снять это напряжение [27. С. 65]. Как правило, у украинцев Боснии и Герцеговины ввиду постоянного контакта близкородственных славянских языков наблюдается языковое смешение кодов. Из собранного нами корпуса устных текстов были отобраны наиболее репрезентативные примеры дискурсивных практик, в которых реализуется метапрагматическое сознание говорящих⁵.

1. Отмечается обращение за помощью к исследователю или к другим представителям общины, которые, по мнению говорящего, лучше владеют языком и обладают языковым авторитетом.

⁴ Второй такой случай — функционирование русского говора старообрядцев в болгарских селах Татарица и Казашко (см., например, [10; 11]).

⁵ Украинские примеры приводятся в фонетической транскрипции, элементы из сербского/хорватского записаны в стандартной орфографии. Если приводится диалог, то указывается принадлежность высказывания.

1.1) D. Onda znaly zbyraty woseny ti p'ityp ^e n'ky šo je, sušyly, to varyly, taku, <i>jag bym to kazaw</i> , te jak to kažut serby supa , <i>jak s'i u nas kaže tovo?</i> O. Juška? Abo zupa. D. Juška! s p'itpen'k'iw, čy γry ^e by ^e (Прнявор) ⁶	1.1) Д. И собирали осенью опять, сушили, варили, такой, <i>как бы сказать?</i> как говорят сербы supa (суп), <i>как у нас говорят это слово?</i> О. Суп (juška)? Или суп (zupa). Д. Суп (juška)! Из опять, или грибов.
1.2) Idut γolupc'i v'id m'jasa i ryžu, c'i, masn'i, ne p'isn'i, masn'i γolupc'i, abo, u-u, papryku takož, e, m'jaso i ryž zrobyt s'a i to je, taka, e, <i>jak to kaže jelo?</i> (Баня-Лука)	1.2) Идут голубцы из мяса и риса, эти, жирные, не постные, жирные голубцы, или, в, перец также, мясо и рис сделают, и это такое, <i>как говорят jelo</i> (блюдо)?
1.3) I na druγyγ den' takoš je služba i ta tretyγ den', ale ide na ti- pa-a filijale , <i>jak to kaže?</i> <i>kutr'i prypadajut do-o toji cerkvy</i> (Лишня).	1.3) И на второй день также служба, и на третий день, но он [священник] едет в filijale (филиалы), <i>как это сказать?</i> <i>которые относятся к этой церкви.</i>
1.4) Das't' rakunočok i ce, i ce, a z druγoγo boku tam krampusa vyžene čy, čy u tyjvo, e, <i>jak kažut?</i> e, u nas tut kazaly, e, em, <i>prost'ir de, pered k'imnatoju</i> (Хрвачани).	1.4) Он даст пакетик, и это, а с другой стороны, там крампуса выгонит или, или у этого, <i>как говорят?</i> у нас тут говорили, э, <i>помещение где, перед комнатой.</i>

Во всех приведенных примерах информанты обращаются за помощью при подборе слова к исследователю либо к другим собеседникам, когда интервью проходит с участием многих лиц. Проблемное слово/выражение маркируется чаще всего вопросом: *как это сказать?* Ср. похожую стратегию в других языковых ситуациях: akkor nehezen lehetett megalálalni, megkapni aa. (.) a arogbare hogy mondják (тогда трудно можно было найти, получить, а-а, arogbare⁷ как говорят?) [21. P. 686]; kako kažete s vonatom, kako kažete (как вы говорите s vonatom⁸, как говорите?) [12. P. 188]; Hat mert örökké ez plavno područje | hogy mondjam is? (ну, потому что это всегда plavno područje⁹, как сказать?) [24. C. 250]; Tam nja znali, xto to zaráz, sx... sxovajut, to kak skazač', nja znaete, kak sxovat'? [18]; SEC. Mmm (.) Le Le droit de (to RES) el dret (э-э-э, le le droi de¹⁰ (к RES) el dret¹¹. RES. The right¹² [28. P. 502]; A: Мы пойдем в этот... в veekeskus¹³ (эст.)? Б: В водный центр (подчеркивает интонационно русское наименование). А: Ну / в водный центр¹⁴) [16. C. 101].

В (1.1) информанту приходит на помощь присутствующий в тот момент на записи другой собеседник: он предлагает варианты слов, которые вызвали

⁶ Здесь и далее после каждого высказывания приводится место записи. Реакции информантов — в квадратных скобках. В примерах из разделов 1–3 метаязыковые комментарии выделены курсивом, жирным шрифтом обозначены слова, к которым эти комментарии относятся.

⁷ Рум. разрешение.

⁸ Венг. поезд.

⁹ Серб. затопляемая территория.

¹⁰ Фр. право.

¹¹ Катал. право.

¹² Англ. право.

¹³ Эст. водный центр.

¹⁴ Здесь говорящий не задает прямой вопрос, но ожидает подсказки со стороны слушающего.

затруднения в процессе построения нарратива. При этом обращает на себя внимание, что сербское слово было использовано первым, информант мог бы продолжить повествование без остановки и подбора украинского аналога (как это и делается в большинстве других случаев). Однако именно данная лексема была воспринята как несвойственная украинскому языку, информант счел необходимым прервать ход рассказа и уделить внимание подбору адекватного слова. Сербское заимствование оказывается, таким образом, маркированным, нежелательным, требующим замены. Информант ощущает его неуместность в украинском высказывании. В (1.2) и (1.3) наблюдается похожая стратегия: в обоих случаях употреблено сербское слово, однако оно ощущается чужеродным и несвойственным, именно его собеседники выделяют для маркирования при помощи вопросов, обращенных к другим лицам, а также при помощи комментариев и объяснения значения. Заметим, что подобные вопросы со стороны информанта могут остаться без ответа, поскольку другим участникам коммуникации может быть также не знаком соответствующий аналог, исследователь же руководствуется правилом не прерывать нарратив¹⁵. В (1.4), так же, как и в (1.3), происходит объяснение проблемной лексемы, однако здесь она остается не названной даже по-сербски (речь идет об украинском слове *cini* (рус. сени)). Комментарий здесь предваряется стандартным в такой ситуации вопросом, маркирующим затруднения в порождении высказывания — *jak to kažu?* Во всех предыдущих случаях слово названо, при этом лишь одно из них имеет общеславянское происхождение (серб. *jelo*), тогда как остальные являются заимствованиями и функционируют также в украинском языке в несколько другой форме (ср. укр. *суп* (диал. *зупа*), *філія*). В двух рассмотренных случаях (1.1) и (1.4) перед сербским словом/толкованием слова употребляется отсылка к его этнической/локальной принадлежности (*to kažu serby*, *u nas tut kazaly*). Видно, что вопрос может как предшествовать слову, которое вызвало затруднение (1.2), так и следовать уже после него (1.1), (1.3). Подобные фразы подчеркивают лингвистическую идентичность говорящего и всего изучаемого сообщества, для которого будет характерен именно данный набор контактных языков и их взаимодействие. Эти маркеры получают название «маркеры апелляции к слушающему» [27. С. 72–73].

2. Распространенной стратегией двуязычных информантов является констатация того, что они не знают/не могут вспомнить проблемное слово/выражение. При этом слово названо на сербском языке, а украинский аналог информанты не могут вспомнить, вероятно потому, что определенные темы чаще всего обсуждаются именно по-сербски (хотя лексемы из круга бытовых тем также вызывают проблемы). Приведем примеры из интервью, записанных от украинцев Боснии и Герцеговины:

2.1) A ja doky bula molotša, šče-m i, troxa, xm, gluma , glumila , a de, <i>ja ne znaju ukrajins'ky skazaty</i> [смех] ¹⁶ (Приявор)	2.1) Я пока была моложе, я еще немного gluma (актерская игра), glumila (играла), а я не знаю, как по-украински сказать.
--	---

¹⁵ Однако подобное поведение исследователя не всегда возможно, поскольку информанты ожидают, что именно он придет на помощь и разрешит сложившуюся ситуацию коммуникативной неудачи. Оставить без реакции просьбу собеседников в этом случае будет невозможно по этическим соображениям, иногда вмешательство исследователя необходимо для поддержания интеракции (интервью для информанта — это прежде всего диалог, требующий ответной реакции, а не монолог). Тем не менее в большинстве случаев исследователь должен свести свое участие к минимуму.

¹⁶ В примерах из разделов 2 и 3 метаязыковые комментарии выделены курсивом, жирным шрифтом обозначены слова, к которым эти комментарии относятся.

2.2) A u nas to toj dr'ibnej ser v'it takogo kwasnogo moloka i šo ne l'ajut to sirište , bo <i>ja ne znaju jag by na ukrajinsk'ij skazaty tu, ja ne znaju čy to w ukrajin'i korystujut</i> (Лишня).	2.2) А у нас такой мелкий творог из такого кислого молока, куда не добавляют sirište (закваску), <i>потому что я не знаю, как бы это сказать по-украински, я не знаю, используют ли это на Украине.</i>
--	--

В данном случае метаязыковой комментарий можно считать своеобразным оправданием перед исследователем и перед другими участниками разговора за ограниченную компетенцию в украинском языке. Похожее поведение описывает также А. Вершик на примере русского языка в Эстонии в сфере интернет-коммуникации: «достоверно “**lavastada**”¹⁷ (абсолютно вылетело из головы, как это сказать по-русски) ограбление, кстати, очень и очень сложно)» [15. Р. 13–14]. Информант и здесь мог бы не акцентировать внимание на данных словах (что, впрочем, и происходит в другие моменты интервью с заимствованиями из сербского языка), а продолжить повествование. Тем не менее именно лексемы *gluma*, *glumila*, *sirište* выбраны в качестве точки нарратива, в которой информант считает нужным сообщить о затруднении в коммуникации (и вовсе не случайно, поскольку именно они заимствованы из языков южнославянского окружения, а их чужеродный характер отчетливо осознается говорящими). Само объяснение при этом имеет четкую структуру: используется глагол «знать» в отрицательной форме, либо другой глагол со значением «использовать», «употреблять» в отрицательной форме. Упоминается и этническая принадлежность высказывания: *говорят по-украински* (2.1), *используют на Украине* (2.2). В (2.1) также заметно, что констатация незнания может сопровождаться и невербальными знаками: смехом, который, на наш взгляд, в подобной коммуникативной ситуации призван еще больше смягчить отрицательный эффект от прерванного нарратива. В (2.2) констатация незнания происходит дважды, а метаязыковой комментарий собеседника более пространный, чем в (2.1).

3. Очень часто заимствованное слово, которое информант считает нужным прокомментировать, сопровождается указанием на его этническую/локальную принадлежность. Разновидность подобного языкового поведения была представлена в (1.1), где она, однако, является частью обращения за помощью к собеседникам. В этом разделе будет показано, что это вполне самостоятельная стратегия, которая может реализовываться независимо. Приведем примеры:

3.1) A, išly, i, i na, katexys, is te, taj, vjeronauk šo kažut, da, i serby, i katonaj, hrvate (Яблан).	3.1) И ходили на катехизис, по этой, это, vjeronauk (религиозное обучение) <i>как говорят, и сербы и хорваты.</i>
3.2) Ko si po-, poklyčet, i sušidy, znaju tut zvyčaj, jak, tu xyl'aku jak postavyt, <i>il šu kažut ovi</i> , barjak [смех], tu pustavyt i zastavu, ovaj (Яблан).	3.2) Позовут и соседей, знаю, тут обычай, как эту ветку поставят, <i>или как говорят эти</i> , barjak (знамя) [смех], тут поставят и флаг и, это.
3.3) Ja ne kazala, wže sto soro- sto čotyry roky, <i>to šo vony nazyvajut</i> vašar , to šo my idemo, de je wšojo, to wže sto čotyry roky, jak, v'idbuvaže s'a u Prn'avor'i (Прнявор).	3.3) Я не говорила, уже сто сорок лет, что, <i>что они называют</i> vašar (ярмарка), то, что мы идем, где есть все, это уже сто сорок лет, как проходит в Прняворе.

¹⁷ Эст. инсценировать.

Ощущая несвойственный для украинского языка характер определенной лексемы, собеседники могут ее маркировать при помощи отсылки к языку иноэтничных соседей, в данном случае — отсылка к языку этнического большинства. Следует отметить, что само украинское слово не названо: обозначив неукраинский характер конкретной лексемы, информант как будто снимает с себя ответственность за использованное заимствование и вместе с тем освобождается от поиска украинского аналога. В примере (3.2) собеседник реагирует на собственные затруднения также при помощи смеха, что является довольно распространенной стратегией в подобных случаях. Показательно и то, каким образом в данных метаязыковых комментариях названы представители этнического большинства окружения. В (3.1) указывается этническая принадлежность высказывания через упоминание этнонимов. Информант при этом счел необходимым пояснить, что слово *ujeronauk* используют как сербы (которые составляют большинство в Республике Сербской), так и хорваты. Однако перед тем как упомянуть хорватов, он допускает оговорку: собеседник хотел указать не на этническую принадлежность, а на конфессиональную (католики) (при этом представители мусульманского вероисповедания, бошняки, не упоминаются). Однако в таком виде это бы противоречило равновесию в высказывании: если первым использован этноним, то и вторым тоже должен быть использован этноним. Упоминание хорватов наряду с сербами свидетельствует о смешанном этническом составе обследованной местности северной Боснии. В высказывании (3.2) этническая принадлежность говорящих, на которых ссылается информант не названа, однако понятно, что речь также идет о сербах (хорватах и бошняках). Собеседник в украинском предложении использует дейктическую форму сербского указательного местоимения *ovaј — ovi* (как говорят эти) для обозначения принадлежности высказывания. В (3.3) примере использовано уже личное местоимение третьего лица множественного числа *yonu* (то, что они называют) для этой функции. Сербы (хорваты), эти, они — таким образом информанты маркируют принадлежность проблемных слов в собственном дискурсе и могут четко обозначить неукраинский характер конкретной лексемы. Как и в других случаях, речь идет не только о безэквивалентной лексике, все слова имеют соответствия в украинском языке информантов. Подобные практики характерны и для других языковых ситуаций, в том числе и случаев письменной коммуникации в интернете: ну где уж нам, да и люди мы... как это эстонцы говорят ... *mugavad*¹⁸ [15. Р. 13]; *az valamikor állami ünneper volt | szerbül bírom megmondani | dan republike* (когда-то это был государственный праздник, я могу сказать по-сербски, день республики) [24. С. 251]; ... *ja sam juče imao dva ...* [пауза] *dva, dva, dva študenta iz Maribora, to oni zovu skauti* (у меня вчера было два ... [пауза] два, два, два студента из Марибора, это они (словенцы) называют скауты) [13. С. 146].

4. Наиболее распространенной стратегией является дублирование лексем, что можно назвать также стратегией перевода (ср. [29. С. 169]), поскольку приводимое слово на первом языке дублируется переводом на второй язык. Приведем примеры подобных высказываний:

4.1) Na zelen'i s'v'ata, na duhove , koly s'i, v'jažut, to, uny s'i tudy spaľut, koly xmara, i take (Лишня) ¹⁹ .	4.1) На Троицу, на duhove, связывают, это, их тогда сжигают, когда туча и такое.
--	--

¹⁸ Эст. удобный, подходящий (мн.ч.).

¹⁹ Слова, которые дублируются, выделены жирным шрифтом.

4.2) Prynese sok, prynese tu rakiju, tu yor'iwku , l'itru, prynese kavy, tak može d'it'am cukerky, to, podarunky (Прнявор).	4.2) Принесет сок, принесет эту raki-ju, горилку, литр, принесет кофе, может детям конфеты, это подарки.
4.3) Pryjšla do mene peret praznykom takvo, bo veđ'il'i, fs'e, jakyj w nas, i to, toj vašar šo kaže, toj bazar i to ws'o, a my počaly buduvaty xatu (Прнявор).	4.3) Пришла ко мне перед праздни-ком так, потому что видели, какой нас этот, vašar (ярмарка), как гово-рят, этот базар, и это все, а мы нача-ли строить дом.

Основное, на что обращает исследователь внимание при анализе подобных элементов нарративов двуязычных собеседников — порядок следования частей высказывания и язык, на котором приводятся слова. Первым может быть использовано украинское слово, а затем следует перевод на сербский язык, как в (4.1). Однако встречаются и случаи, когда часть нарратива на сербском языке предшествует украинскому аналогу, например, в (4.2) и (4.3). Первое использование неукраинского элемента высказывания можно объяснить тем, что информант сначала вспомнил сербское слово, и только затем в целях автокоррекции дает его перевод на украинский. При этом он не прибегает к помощи присутствующих, а сам контролирует порождение высказывания. Употребление сербского слова после украинского можно рассматривать как уточнение для исследователя, для других участников диалога, либо как простое акцентирование внимания на данном слове с помощью стратегии удвоения. При этом само сербское слово может быть дополнительно выделено указанием на то, что именно так говорят в этом регионе представители другого народа (в конкретном случае (4.3) опущено упоминание этнической принадлежности лексемы), следовательно, возможно сочетание нескольких стратегий двуязычного индивида при построении нарратива. Дублирование — очень распространенный способ комментирования/акцентирования в многоязычных ситуациях. Об этом явлении пишет Дж. Гамперц [30. Р. 78]. Встречается оно повсеместно и в других языковых ситуациях, повторяться могут как отдельные лексемы, так и целые предложения: fakt... se zove... ljubomora, envidia! od strane ljudi (факт... называется... зависть, envidia²⁰ со стороны людей) [25. С. 77–78]; Yuu! Mwali nka bangahe (.) Vous étiez combine à peu près (сколько вас примерно?) [28. Р. 13]; Vi zajedno radite? Delate skupaj? (Вы вместе работаете?) [13. С. 147]. Говоря о лексических заимствованиях из сербскохорватского языка, о дублировании среди боснийских украинцев упоминает и Т.Я. Токар [31. С. 145].

5. В нарративах регулярно фиксируется передача слов третьих лиц, не принимающих участие в разговоре, либо собственных слов информанта, сказанных в иной коммуникативной ситуации. Цитирование является неотъемлемой стратегией устной речи, оно может сопровождаться вербальными и невербальными знаками: изменением тембра голоса, интонации (вопросительная, восклицательная), имитацией коммуникативных особенностей цитируемых лиц, жестами, смехом и т.д. В многоязычных сообществах к этим знакам добавляется еще переключение кода — фраза, произнесенная в исходной ситуации на конкретном языке, воспроизводится собеседниками на том же языке. Дальнейшее языковое поведение зависит от данной ситуации, участников разговора, престижа языков: может следовать комментарий и/или перевод на тот язык,

²⁰ Исп. зависть.

на котором велось до этого момента общение (см. также примеры в [22; 32; 33; 13. S. 152–158]). Ниже приведем некоторые ситуации цитирования:

5.1) Ja maw korčmu bly^εs'ko, — ajmo! kaže, serby^ε, tivo iz L'ešn'i, ti mislimany, wony l'ubl'at to, — ajmo! ajmo, da popijemo! ajde! kaže, reko: — ma ne pijem! — ma kakav si ti majstor kad ne piješ?! kazaly, n'ikoly n'isam, može ras šo p'išow, z nym, tak šo š'iw šo vy^εpy^εw (Лишня)²¹.	5.1) У меня был трактир близко, давай! говорит, сербы, эти из Лишни, эти мусульмане, они любят это, давай! давай выпьем! давай! говорит, я сказал: но я не пью! но какой ты мастер, когда не пьёшь?! они сказали, а я никогда не, может один раз пошел с ним, чтобы сесть и выпить.
5.2) Pa my šos' tak m'iš soboju jak γovorymo, onda šoby svekruxa ne čula, ne zrozum'ila, a jak skažemo, ona kaže: — šo s(t)e vy- — šta ste vi pričali? — ništa ništa, mi među sobom! neke te stvari, koje nisu potrebne [смех] (Хрвачани).	5.2) А мы так между собой так говорим, тогда, чтобы свекровь не слышала, не поняла, а как мы скажем, она говорит: о чем вы (укр.) о чем вы говорили? ничего, ничего, мы между собой! некоторые вещи, которые неважны (серб.).
5.3) Mi dole, ovdje imali ovdje, i kad je četvrtak pazarni dan, kaže mama: — stavajte d'ity, mazury wže jidut du Grad'išky! a mi spavali [смех], mi Ukrajinci mi smo malo lijeni od Poljaka [смех] (Челиновац).	5.3) Мы ниже, у нас было здесь, и когда по четвергам была ярмарка, говорит мама: вставайте, дети, мазуры уже едут в Градишку! а мы спали, мы украинцы немного ленивее, чем поляки.

В первых двух случаях сербские высказывания включены в нарратив на украинском языке, в последнем примере — сербские высказывания обрамляют цитирование на украинском языке. Наиболее часто встречаются сербские цитаты в речи на украинском языке, поскольку информанты двуязычны и легко переходят с одного языка на другой. С другой стороны, фраза, сказанная изначально по-сербски, как правило, и адресована говорящим на сербском, а вставки на украинском языке в ней меньше всего ожидаются, так как сербы не говорят по-украински (за исключением тех, кто проживает с украинцами по соседству, или случаев смешанных браков, когда один из супругов выучивает, пусть и пассивно, украинский). Такие фразы могут быть произнесены среди самих украинцев, которые в разговоре между собой зачастую используют сербский язык. В таком случае цитации на украинском языке вполне понятны и ожидаемы (что и происходит в (5.3)).

Цитирование чужой/собственной речи обычно сопровождается определенными маркерами — глаголами говорения (ср. [13. S. 158]), употребленными в соответствующем роде и числе, в зависимости от того, кому принадлежит высказывание: ((5.1) *kaže, kazaly, reko* (ja); (5.2) *ona kaže*; (5.3) *kaže mama*. При этом глаголы могут как открывать цитируемый фрагмент, так и следовать после уже произнесенной цитаты (в (5.1) — *ajmo! ajmo, da popijemo! ajde! kaže*). Нередки случаи введения прямой речи и вовсе без маркеров. Принадлежность этих слов может быть передана при помощи личного местоимения либо через название конкретного человека. Кроме того, сами глаголы говорения могут принадлежать как одному языку, так и другому. Однако в близкородственных языках, например таких, как украинский и сербский, определенные формы

²¹ В 5 и 7 разделах прямая речь выделена жирным шрифтом.

этих глаголов могут совпадать, так что становится непонятно, к какому языку они относятся. Например, совпадают второе и третье лицо, ед. ч., первое и второе лицо мн. ч. настоящего времени от глагола серб. *kazati*, и укр. *kazati*, если они употреблены самостоятельно (ср. *kažeš*, *кажеш*, *kaže*, *каже*, *kažeto*, *кажемо*, *kažete*, *кажете*). В приводимых примерах только один глагол-маркер цитирования *reko* (стяженная форма от *rekaō*) (5.1) безоговорочно можно отнести к заимствованиям из сербского языка. Лицо данного глагола эксплицитно не выражено, как и род, поскольку он употреблен в прошедшем времени, но без вспомогательного глагола *biti*. Таким образом маркируется начало прямой речи самого информанта в цитируемом им диалоге, высказывания же других лиц вводятся при помощи форм *kaže*, *kazaly*²².

Воспроизводиться может как отдельное независимое высказывание, так и целые диалоги между собеседниками и другими лицами (в том числе между лицами, которые не участвуют в данный момент в интервью). Примеры передачи диалогичной речи можем наблюдать в (5.1), (5.2), а одиночное цитирование представлено в (5.3). В (5.2) и (5.3) цитирование сопровождается смехом, что, на наш взгляд, нельзя отнести только к маркированию передачи чужой/своей речи, говорить здесь нужно скорее об отношении говорящего ко всей воспроизводимой им ситуации. Так, в (5.2) смех следует уже после комментария собеседника, а не сразу после процитированного фрагмента: представляется комичной ситуация использования украинского языка в качестве тайного в присутствии свекрови-сербки, которая им не владеет (*šoby svekruxa ne čula, ne zrozum'ila*). В (5.3) собеседник делает ироничное заключение, что поляки менее ленивы (*mi smo malo lijeni od Poljaka*), чем украинцы, и его реакция также скорее относится к воспроизводимой ситуации, чем маркирует введение цитаты.

Нередко встречаются случаи, когда заметны колебания говорящих при переходе с одного языка на другой в процессе цитирования. В (5.2) отчетливо можно увидеть, как информант начинает высказывание (передаются слова свекрови-сербки) по-украински и при этом начало фразы повторяет строение сербского предложения (*šo s(t)e vu — šta ste vi*): здесь следует отметить использование вспомогательного глагола в перфектной форме²³. Однако на этом украинская фраза обрывается, и информант повторяет ее по-сербски, т.е. на том языке, на котором изначально она и была произнесена, мы видим автокоррекцию. Во второй фразе диалога коррекции уже не наблюдается, она произнесена полностью по-сербски. Более того, далее в комментариях к приведенному диалогу и в продолжении нарратива следует полный переход говорящего на сербский язык, не происходит возврата к украинскому языку, и таким образом нарушается рамочная конструкция высказывания: цитирование конкретного фрагмента приводит к переключению языкового кода. Следовательно, информанты не всегда следят за соотношением языков в своем высказывании: если в начале цитирования в (5.2) все-таки произошла коррекция, то чуть позже само повествование на другом языке не способствовало обратному переходу. И здесь возникает теоретический вопрос, где искать границу этой перемены языков, — в начале цитирования, когда этот переход четко обозначен,

²² Если о принадлежности формы *kaže* можно предполагать как украинское, так и сербское происхождение (о чем было сказано выше), то *kazaly* однозначно является украинской формой.

²³ В говорах юго-западного наречия вспомогательный глагол в формах прошедшего времени используется часто [34. С. 154], встречается он и в говоре украинцев Боснии и Герцеговины наряду с употреблением глаголов и без него. Частое использование таких форм может быть обусловлено поддерживающим влиянием со стороны доминантного сербского языка [7. С. 208].

либо в момент его окончания, когда видимых границ нет, но по смыслу и логике повествования этот переход предполагается? Вероятно, в таких случаях нужно говорить о явных и скрытых (ожидаемых) границах переключения кодов, которые с точки зрения самого говорящего не всегда могут быть очевидны, однако заметны наблюдателям со стороны²⁴.

6. Во время интервью собеседники сами обращают внимание на переключение кода и комментируют данную ситуацию, обозначая таким образом переход и смену языка. Выше были рассмотрены случаи, когда предметом акцентирования внимания собеседника становилось слово или словосочетание. Материал, собранный от украинцев в Боснии, показывает, что металингвистическому осмыслению подвергаются и более пространственные части нарратива при переключении кода. Приведем пример:

6.1) To p'idošva, to prepadala, tomu, e, družbove, to bulo velečne šo si dobio đon od korovajá, da i onda kad se išlo darivati uvijek su djeveruše i još neki pomagačice pjevale, pjesme koje se zvale vyvoda, prvo su išli, <i>ja sam opet prešla na srpski</i>, prvo su išli roditelji, od mlađenje pa onda od mlade (Прнявор)²⁵.	6.1) Эта подошла отходила этому, дружбе, это было почетно, если ты получил подошву от каравая, и тогда, когда шли одаривать, всегда подруги невесты или какие-то девушки, которые помогали, пели песни, которые назывались <i>vyvoda</i>, сначала шли, а я снова перешла на <i>сербский</i>, сначала шли родители молодого, потом родители молодой.
---	--

Нарратив начинается по-украински, рассказ идет о свадебном обряде, о той его части, когда резали каравай и когда одаривали молодых, при этом исполняли особые песни — выводы (подробнее см. [6; 35]). Интерес представляет момент перехода с украинского языка на сербский. Происходит это постепенно: сначала в украинское высказывание вклинивается сербская фраза (*s dobio đon od*)²⁶, и только потом, после небольшой паузы, наступает переключение кодов — повествование уже ведется на сербском. Украинская лексема *vyvoda* возникает в сербском высказывании чуть позже в качестве примера названия для песен, исполняющихся во время свадьбы. Продолжая повествование, собеседница вдруг спохватывается и говорит, что снова перешла на сербский язык (*ja sam opet prešla na srpski*) (в других ее нарративах было несколько таких переходов). Интересно, что за констатацией факта переключения кода не следует возврата к украинскому языку, рассказ продолжен по-сербски. Тем не менее переход оказывается маркированным, тогда как сама практика, по нашим наблюдениям, подобного немотивированного перехода с одного языка на другой весьма распространена в речи украинцев Боснии и Герцеговины, особенно если коммуникация происходит только между представителями общины. Момент для подобного метаязыкового комментария выбран информантом уже спустя некоторое время после переключения кода. Вероятно, напоминанием о смене языка послужило использование украинского слова *vyvoda* в ходе повествования, и собеседник посчитал необходимым прокомментировать переход с украинского языка на сербский. На основе анализа записей от украинцев в Боснии

²⁴ О границах подобных переходов в рамках цитирования в ситуации двуязычия см. [33. Р. 236–237].

²⁵ Украинские фразы в данном примере выделены жирным шрифтом, метаязыковой комментарий — курсивом.

²⁶ При этом данную вставку нельзя объяснить только тем, что слово *đon* не является частотным в языке и информант мог его забыть, за несколько секунд до этого информант использует украинский аналог *p'idošva*.

и Герцеговине можно прийти к выводу, что у собеседников комментариев относительно собственных практик переключения кода встречается не так много, в отличие от пояснений к отдельным лексемам и выражениям. По-видимому, и здесь этот комментарий может также относиться и к лексеме *uvvoda*. Отдельные короткие иносистемные элементы могут быть более заметны для двуязычного индивида (особенно если они связаны с ситуацией вспоминания слова/выражения), чем просто переход с одного языка на другой.

7. Последней разновидностью дискурсивных практик, которым следует уделить внимание, является особый жанр металингвистических историй: развернутые нарративы о ситуациях коммуникативных неудач, которые обусловлены близостью контактных языков, и/или недостаточной компетенцией в одном из языков. Как правило, эти истории юмористические. Обычно такие рассказы приводятся информантами как доказательство недостаточного владения одним из языков на определенном жизненном этапе (в случае украинцев Боснии и Герцеговины — речь идет либо о первых переселенцах, либо о детях). В любом случае строятся они вокруг языка, ситуации билингвизма. Возникают они в ходе интервью спонтанно, для каждого из информантов это история либо его личная, либо семейная, передающаяся из поколения в поколение и ставшая уже анекдотом. Ниже приведем пример подобной метаязыковой истории, записанной в селе Лишня около Приявора:

7.1) A ja u petim razred'i d'istaw pogrešnu vakcinu, i krenuw do škole, dyčy'na dyčy'na! i, to s'i m'i-i, e, zapuxlo, i, ja-a zak'inčyw u bolnici, pšow u bolnicu ležaty, tak same, po-, ne znaw n'i polowy'nu serps'kojo, bo s'i w xat'i wojoye'lo ukrajinski, d'ity nab'ikola fs'uda, ukrajn'ski, mye s'i bavy'lye, znači nema kontakta, t'iko jak tamka xtoz' dal'she prejde toto, i, uradno-o vizyta i doxtor mene pytaje-e-e: — **kako je mali? šta je-e, šta tebe boli?** ja kazuw: — **mene, e! eto, prewođenje, sličnost, e, žyv'it, — boli me život!** a n'e žyv'it! e! bo ne znaw [смех], e, v'in skazaw: — **o-o! bože moj!** [смех] **kad tebe ovako malog, boli život, šta će bit kad ostariš?** [смех] e! sm'išno al s'i m'i lyešelo i v'in to skazaw potomu mama pryšla u posjetu, batkye jixalye u Ban'a luku tudy k'in'mye! na jarmarok, vezlye, i pryšly do mene u posjetu i doxtor wojoye' mam'i, šo ja skazuw, ale to s'i lyešy'lo, eto! to wže p'idys'at rok'iw, v'ittody jak to bulo, tačno p'idys'at rok'iw bo ja, ja, p'idys'at s'im, e, p'idys'at nazat, ne znaw skazaty šo **boli me stomak, nego** [смех] **boli me život!** žyv'it (Лишня).

7.1) А в пятом классе у меня была плохая реакция на вакцину, и я пошел в школу, ребенок есть ребенок! и у меня распухла, я попал в больницу, лежал в больнице, и я не знал и половины сербского, потому что дома говорили по-украински, дети везде вокруг, по-украински, мы играли, значит, нет контакта, только если кто-то дальше поедет, и официальный обход, и доктор меня спрашивает: **как ты, парень? что, что у тебя болит?** Я сказал: **у меня**, вот, вот перевод, как похоже, э, живот: **у меня болит жизнь!** а не живот! потому что я не знал, а он сказал: **о, боже мой!** **когда у тебя, такого маленького, болит жизнь, что будет, когда составишься?** смешно, но это у меня осталось, и это он сказал, потом мама приехала навестить, родители ехали в Баня-Луку туда на лошадях! на ярмарку, везли, и приехали меня навестить, доктор говорит маме, что я сказал, но это осталось, вот! это уже пятьдесят лет, как было, точно пятьдесят лет, потому что я, пятьдесят семь лет, пятьдесят лет назад, я не мог сказать, что **у меня болит живот**, а **у меня болит жизнь!** живот.

В данном нарративе (7.1) заметно, что сербские вкрапления по ходу повествования никак не комментируются рассказчиком, они остаются без внимания (например *u petim razred'i* (серб. *razred* — класс) *d'istaw pogrešnu* (серб. *pogrešan* — ошибочный, неправильный) *vakcinu, i krenuw* (серб. *krenuti* — пойти) *do škole*^е), что демонстрирует необязательность использования рассмотренных выше дискурсивных стратегий. По сути, каждое второе слово в приводимой фразе — сербское, из-за количества лексических заимствований этот тип языка можно было бы назвать гибридным. Кроме того, не только лексические вкрапления не комментируются, не происходит этого и по отношению к случаям переключения кода небольшого формата (например *znači nema kontakta*). Здесь также мы можем наблюдать воспроизведение диалога собеседника с врачом, передан их разговор на сербском языке с необходимыми маркерами принадлежности высказывания и введения его в нарратив (*doxor mene pytaje-e-e, ja kazuw, v'in skazaw*). Не происходит и смены языка после цитирования фрагментов высказывания на сербском. Цитирование происходит дважды: первый раз в середине рассказа с передачей слов двух участников диалога, и второй раз в конце истории, когда переданы только слова самого информанта (по сути, повторяются слова, сказанные выше). Этот случай рассказан собеседником, чтобы проиллюстрировать его неполную языковую компетенцию в сербском языке, когда он был ребенком (о языковой ситуации в его родном селе сказано дополнительно: в семье все говорили по-украински, а на улице играли только с соседскими украинскими детьми). Когда же он оказался в Бая-Луке, в больнице необходимо было изъясняться по-сербски. Главным моментом рассказа, создающим комический эффект, является несовпадение значения похожих по звучанию, но разных по значению украинского *žyvi't* (живот) (серб. *stomak*) и сербского слова *život* (жизнь) (укр. лит. *жумтя*), из-за чего доктор делает остроумное заключение, которое и вызывает смех. Комический эффект усиливается еще самой ситуацией, которая развивается вокруг больницы и болезни ребенка, дополнительным интенсификатором служит смех информанта и участников интервью. Собеседник отмечает, что эта история осталась и спустя пятьдесят лет в его памяти и как свидетельство о недостаточной языковой компетенции, и как пример того, к чему может привести смешение семантики слов в близкородственных языках. Подобные истории очень ярко характеризуют языковую ситуацию и конкретные затруднения в языковой компетенции, имеют определенный сюжет и практически всегда вызывают смех у слушателей. Однако их очень трудно записать в полевых условиях, информанта следует подводить к таким рассказам наводящими вопросами и, как показывает практика, не все способны обратить внимание на эти случаи. Те же, кто рассказывает метаязыковые анекдоты, отмечают, что они уже стали частью семейных историй и передаются от старшего поколения младшему.

Таким образом, в речевой практике украинцев Боснии и Герцеговины наблюдаются явления, обусловленные распространенным среди них билингвизмом (украинский язык — сербский язык), а у некоторых представителей — и диглоссией (литературный украинский язык — местный украинский диалект), и проявляющиеся наиболее рельефно в ситуации интервью с исследователем. Речь идет о таких случаях, как обращение за помощью в подборе слова/выражения к исследователю/участникам интервью, утверждения, что информант не знает конкретное слово/выражение на Я1, метаязыковой комментарий, содержащий указание на принадлежность «проблемного» слова/выражения, дублирование лексем, цитирование своих/чужих слов на Я1/Я2, развернутые металингвистические истории. В любой двуязычной языковой ситуации билингвы

будут использовать эти дискурсивные практики как отдельно, так и в сочетании друг с другом. Уникальным будет набор контактных языков (и их диалектных разновидностей), структура метаязыковых комментариев, а также их частотность. В настоящей статье впервые рассмотрены дискурсивные практики на материале украинского языка (полевые записи), распространенного в Боснии и Герцеговине. У украинцев Боснии и Герцеговины наблюдается сильное влияние окружающего доминантного языка на всех языковых уровнях, во многих случаях (у среднего и младшего поколения) возникают гибридные лексические и синтаксические образования (ср., например, похожие ситуации у русских в Польше [36]), многие находятся в процессе языковой ассимиляции, поскольку число оставшихся активных говорящих сокращается как в связи с естественной убылью населения, так и в связи с возросшей миграцией за границу (а также из-за последствий военных действий 1990-х годов). В этих условиях информанты не всегда бывают уверены в «чистоте» и «правильности» собственного украинского языка и вынуждены активно использовать разнообразные дискурсивные практики, подчеркивающие их неуверенность и сомнения в выборе адекватного языкового варианта. Ценность приводимых примеров состоит в том, что все они спонтанны и не инициированы со стороны исследователя, а только, возможно, вызваны его присутствием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Прерадовић Љ., Окић М., Малиновић М., Прерадовић Г.* Вјерски објекти националних мањина у Републици Српској. Бања Лука, 2017.
2. *Дрљача Д.* Колонизација и живот Пољака у Југословенским земљама. Београд, 1985.
3. *Мишлицки Т.* Трнопоље – насеље са украјинским становништвом код Приједора // Демографија. 2008. Књ. V.
4. *Токар Т.Я.* Українська мова в Сербії, Боснії і Герцеговині, Хорватії // Українська мова. Енциклопедія. Київ, 2004.
5. *Пилипенко Г.П.* Украинский остров в Боснии и Герцеговине: полевое исследование языка и культуры // Лицеум. 2016. Т. XXII № 17.
6. *Пилипенко Г.П.* Свадебные обряды у украинцев Боснии и Герцеговины // Живая старина. 2017. № 4.
7. *Пилипенко Г.П.* Фонетическая характеристика украинского говора Боснии и Герцеговины // Вестник славянских культур. 2019. Т. 52.
8. *Токар Т.Я.* Українські поселення в Югославії і вивчення їх говірок // Питання української діалектології і міжмовних (міждіалектних) контактів. Дніпропетровськ, 1972.
9. *Vasilijević D.* The current state and prospects of Ukrainian as a heritage language in elementary schools of Republika Srpska // Minority languages in education and language learning: challenges and new perspectives. Belgrade, 2017.
10. *Узенева Е.С.* О фольклорной традиции староверов Болгарии // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2017.
11. *Седакова И.А.* Русская речь в балканском окружении // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой. М., 2008.
12. *Ilić M.* Discourse and Ethnic Identity: The Case of the Serbs from Hungary, Berlin; Munich, 2014.
13. *Petrović T.* Srbi u Beloj Krajini. Jezička ideologija u procesu zamene jezika. Beograd, 2009.
14. *Морозова М.С.* Парадокс исследователя на Балканах: переключение кодов у билингвальных информантов при интервьюировании // Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы извне и изнутри. Балканские чтения 14. Тезисы и материалы. Москва, 18–20 апреля 2017 года. М., 2017.
15. *Verschik A.* Metalinguistic comments and multilingual awareness: Estonian-Russian language contacts in blogs // Applied Linguistics Review. 2017. December. DOI: 10.1515/applirev-2017-0049.
16. *Костанди Е.И.* Дискурсивные практики русской диаспоры Эстонии: языковые контакты // Слово.ру балтийский акцент. 2018. Т. 9, № 3. Doi: 10.5922/2225-5346-2018-3-7
17. *Głuszkowski M.* Uwagi teoretyczne na temat zmiany kodu w monologach starowierców mieszkających w Polsce // Acta Baltico-Slavica. 2015. Vol. 39.

18. *Makartsev M.* Old Believers of Poland: Codeswitching in the scope of conversational repair and the identity of a multilingual group // *Zeitschrift für Slavistik*. 2019 (в печати).
19. *Александров О.А.* Скрытые показания обыденного метаязыкового сознания томских немцев // *Вестник науки Сибири. Серия Филология. Педагогика*. 2015. № 15.
20. *Márku A.* Érvényes történetek. Nyelvválasztási és kódváltási kommunikációs stratégiák a kárpátaljai magyar fiatalok körében. Ungvár; Beregszász 2008.
21. *Laihonen P.* Language ideologies in interviews: A conversation analysis approach // *Journal of Sociolinguistics*. 2008. № 12/5.
22. *Пилипенко Г.П.* Метаязыковые высказывания старообрядцев Латгалии // *Славянский альманах*. 2017. № 3—4.
23. *Пилипенко Г.П.* Переключение кода в русском языке старообрядцев Латгалии // *Jezikoslovni zapiski*. 2017. № 1(23).
24. *Пилипенко Г.П.* Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских венгров: взгляд «изнутри» и «извне». М., 2017.
25. *Пилипенко Г.П.* Маркирование интерференционных явлений в славянской речи Южной Америки // *Славяноведение*. 2018. № 3. DOI: 10.7868/S0132136618030068
26. *Фершверен Дж.* Заметки о метапрагматической осведомленности в использовании языка // *Критик и семиотика*. 2001. № 3/4.
27. *Цесарская А.Е., Шестопалова В.И.* Метапоказатели автокоррекции в разговорной речи // *Вестник Новосибирского Государственного университета. Серия: История, филология*. 2017. Т. 16. № 9. DOI 10.25205/1818-7919-2017-16-9-65-75
28. *Gafaranga J.* Language alternation and conversational repair in bilingual conversation // *International Journal of Bilingualism*. 2012. Vol. 16. № 4. Doi. 10.1177/1367006911429520
29. *Wasserscheidt Ph.* Bilinguales Sprechen. Ein konstruktionsgrammatischer Ansatz. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades Doktor der Philosophie (Dr. phil.). Berlin, 2015.
30. *Gumperz J.J.* Discourse Strategies. Cambridge, 1982.
31. *Токар Т.Я.* До питання розвитку лексики українських острівних говірок Боснії // *Дослідження з української діалектології*. Київ, 1991.
32. *Kolehmainen L., Lantto H.* Basque-Spanish Bilinguals and Reported Speech. Translation and Code-switching in the Basque Context of Language Revitalisation // *Trans-kom*. 2017. № 10(2).
33. *Dorian N.C.* Telling the Monolinguals from the Bilinguals: Unrealistic Code Choices in Direct Quotations within Scottish Gaelic Narratives // *International Journal of Bilingualism*. 1997. № 7.
34. *Горбач О.* Північно-наддністрянська говірка й діалектний словник с. Романів Львівської області // *Відбитка з «Наукових Записок» Українського Технічно- Господарського Інституту в Мюнхені*. Мюнхен, 1965. Т. VIII (X).
35. *Boyчук V.* Vivady — wedding songs of Ukrainians from Bosnia. Edmonton, 1997.
36. *Гжибовский С.* Гибридизация русского старообрядческого говора в Польше // *Studia Rossica Posnaniensia*. 2010. № 35.